

— Поздравляю, Хозяин! Показатель сердечного влечения цели достиг шестидесяти процентов!

— Хм? Почему прибавилось десять? — Чу Синхуань с сомнением потеревил маленький цветок на подоконнике.

— Этого я и сам не знаю, но, судя по моей интуиции, он сейчас точно ни есть, ни спать не может! — 006 радостно подпрыгнул на месте.

Тем временем в резиденции генерала.

Сяо Хунцзин практиковался с копьём во дворе. Окружающие деревья и кустарники пали жертвой его тренировки: вся земля была усыпана обломанными ветками и сорванными листьями. Он рассеянно орудовал длинным древком, полагаясь лишь на мышечную память, но чувствовал, что всё идет не так.

— Генерал, поосторожнее, это же наши новые саженцы, — дворецкий, старик Сюй, с болью в сердце наблюдал за тем, как уничтожается растительность.

Сяо Хунцзин наконец остановился. Он был в одном лишь белом нижнем халате, который слегка пропитался потом, подчеркивая крепкое телосложение. У него на душе словно застрял ком — ни выплюнуть, ни проглотить. Тот образ неотступно преследовал его, и лишь когда он был по-настоящему занят делом, удавалось на время подавить это странное чувство. Поэтому он и встал на рассвете, надеясь изнурительными тренировками выбить эти мысли из головы. Но чем дольше он упражнялся, тем сильнее становился жар в теле, а чем сильнее был жар, тем отчетливее он вспоминал ту ночь, когда они не могли оторваться друг от друга. Его охватило невыносимое раздражение, какого он не испытывал никогда в жизни.

— Дядюшка Сюй, подойди сюда.

Старик Сюй, собиравший обломки веток, услышав зов генерала, отложил инструменты и не спеша подошел.

— Что случилось, генерал?

— У меня... у меня есть один друг. После того как он выпил, у него случилась близость с девушкой из публичного дома, и теперь он не знает, как быть. Дядюшка Сюй, как, по-твоему, следует поступить в такой ситуации? — Сяо Хунцзин долго подбирал слова, прежде чем решиться задать вопрос.

Разумеется, старик Сюй не был знаком с современным интернет-мемом о несуществующем друге, за которым скрывается сам говорящий. Однако он прожил долгую жизнь, поэтому, услышав это, ничуть не удивился и дал весьма искренний совет:

— Если это девушка из публичного дома, то достаточно дать ей побольше серебра, и дело с

концом.

— Она не обычная куртизанка! — выпалил Сяо Хунцзин.

— О? А кто же она? — Сюй был явно ошарашен тоном своего господина.

— Она... да какая разница! В общем, мой друг теперь постоянно думает о ней: и когда ест, и когда спит, даже во сне видит её.

— Тогда, скорее всего, он в неё влюбился. Тут всё просто: пусть твой друг пойдет в тот дом и выкупит её. Сделает своей наложницей — и волки сыты, и овцы целы, — поразмыслив, ответил старик Сюй.

Сяо Хунцзин пробормотал себе под нос:

— Любовь? Любовь...

Неизвестно, помогло ли ему это слово, но тучи, сгустившиеся над его головой, словно немного рассеялись.

— Матушка, добавьте сегодня вечером еще одно выступление.

Чу Синхуань сидел у окна, перебирая пальцами узор на нефритовой подвеске.

— Правда? Син-Син, ты наконец решился! Сейчас же всё устрою. Вот увидишь, сегодня люди нам порог обломают, ха-ха-ха! — Матушка Лю, виляя бедрами, радостно выпорхнула из комнаты, прикрываясь платком.

Наступил вечер, час собаки.

В павильоне Цуйчжу яблоку негде было упасть. С тех пор как поползли слухи о той ночи с главным артистом, бесчисленное множество людей жалели, что не оказались там. К тому же, второе выступление за месяц — случай небывалый! Люди гадали, не вошел ли главный артист во вкус и не решил ли воспользоваться случаем, чтобы повторить успех. Как бы то ни было, все спешили сюда, лелея в сердцах грязные надежды: раз не удалось в первый раз, то на второй или третий точно повезет.

Сяо Хунцзин, который весь день боролся с собой и планировал лишь тихо прийти и взглянуть одним глазком, услышав эту новость, пришел в ярость. Ведь всё уже случилось! Чего он еще хочет? Разъяренный Сяо Хунцзин задолго до начала занял место в засаде.

— Ой, сколько гостей сегодня! Даже спрашивать не надо, все к нашему Син-Сину пожаловали, верно? — звонкий смех матушки Лю эхом разнесся по огромному залу.

— Конечно! Разве можно пропустить редкое выступление главного артиста?

— Какие сегодня будут фокусы?

— А он пойдет на второй круг? Мы все ждем, ха-ха-ха!

Толпа начала шумно перешептываться, отпуская непристойные шуточки, которые невозможно было слушать. Сяо Хунцзин, находившийся в отдельной ложе высшего класса, едва сдержался, чтобы не броситься вниз и не перебить их всех.

— Ну что вы, господа, вы зря надеетесь. Наш Син-Син сегодня только выступает, но не продается. Если же кому-то из вас совсем невтерпеж, посмотрите на других наших девушек и юношей — они тоже писанные красавцы, уж они-то ублажат вас так, что вы вознесетесь на седьмое небо!

В ту ночь весна была особенно манящей, а роскошь — ослепительной. Никто не мог забыть увиденное. Чу Синхуань в простом белом одеянии, изящный, словно распустившаяся лилия, выглядел чисто и отрешенно. Алая точка на лбу стала последним штрихом его образа. Он легко ступил на сцену, белый шелк развевался по ветру, словно спустился небесный дух. Лунный свет падал на него, окутывая серебристым сиянием, длинные волосы струились водопадом, и в воздухе разлился тонкий аромат.

В его взгляде, скользившем по залу, читалась глубокая печаль и меланхолия. Зазвучала флейта — мелодия была плавной и нежной, словно небесная музыка. Его пальцы едва касались инструмента, и каждый звук, казалось, рождался из самой глубины его души. Зрители замерли в оцепенении, боясь пропустить хоть мгновение. Они снова были покорены его красотой и талантом. Все подсознательно чувствовали, что Чу Синхуань стал еще прекраснее, чем в прошлый раз, — не только лицом, но и этой холодной, гордой аурой, исходящей от него.

С каждым движением, с каждым взглядом он словно рассказывал трогательную историю. В такт музыке он начал танцевать, легкий, как ласточка, грациозный, как белый журавль. Его белое одеяние в лунном свете отливало серебром, словно он был укрыт таинственной вуалью. Он казался божеством, спустившимся на землю, танцующим в лунном сиянии — зрелище, от которого перехватывало дыхание. Флейта в его руках словно обрела жизнь, вторя его движениям. Звуки были полны рыданий и жалоб, похожие то на печальный вздох, то на нежный шепот.

Эта сцена казалась сном наяву, увлекая всех в иной мир. Люди были погружены в эту музыку и не могли освободиться от её власти. В этот момент Чу Синхуань был уже не просто исполнителем, он был живым духом, настоящим, прославленным на всю столицу главным артистом. Ни у кого не оставалось сомнений.

Когда музыка стихла, зал взорвался аплодисментами и восторженными криками. Люди долго

не могли прийти в себя, окончательно сраженные его красотой и талантом. Он слегка улыбнулся, кланяясь гостям. В этот миг весь шум затих, казалось, в воздухе продолжали звучать лишь лунный свет и отголоски флейты.

В самой укромной ложе молодой человек в красном сложил веер и не удержался от аплодисментов, с улыбкой на губах восхищенно произнеся:

— Прекрасная игра! Прекрасный танец! Какая несравненная красавица!

<http://bllate.org/book/21347/2167877>